

ОСМЫСЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ (до XX века)

Цзя Ян

*аспирантка кафедры белорусской и мировой художественной культуры
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

Первые, отрывочные сведения о древнекитайском государстве и его обычаях, датируются XVI в. [1]. Эти сведения, по мнению Дональда Лача, изначально связывались с торговым мореходством – португальские моряки в судовых журналах упоминали о таинственной стране «Чин». Заинтересовавшийся этими сведениями португальский король Мануэл I дал поручение адмиралу ди Сикейре в 1508 г. разузнать об обычаях «чинов», проживавших там. Несколько позднее разрозненные упоминания об этой стране оказались собраны монахом-путешественником Гаспаром да Крушем в небольшом трактате. Это было, по мнению Д. Лача, первое издание по синологии (китаеведению), опубликованное в Европе (Португалия, 1579 г.). Кроме того, ученый-монах Гаспар да Круш провел целую зиму в китайской провинции Гуанчжоу (в 1566 г.), фиксируя особенности древнекитайских обычаев и их философско-мировоззренческие устои [1].

Среди других ранних европейских трудов по древнекитайской Дональд Лач упоминает книгу испанского синолога Бернардино де Эскаланте (1577 г.), хотя этот автор никогда не посещал Древний Китай, а свою работу написал «по рассказам» моряков. Дональд Лач также упоминает записки монаха-августинца Мартина де Раду, который лично посетил китайскую провинцию Фуцзянь (1575 г.). Самым известным европейским трудом по древнекитайской культуре стала книга монаха Мендосы (который, как и Бернардино де Эскаланте, никогда не посещал Китай), в который были обобщены сведения всех вышеуказанных авторов.

В целом, в ранних европейских публикациях по синологии сразу отмечалась «инаковость» древнекитайских обычаев, особенно в сравнении с европейским общественным и социокультурным устройством. В настоящее время объяснимо тем, что в Европе главенствовало дуалистическая модель мышления и миропонимания (т.е. целое состоит из суммы слагаемых), а в Древнем Китае придерживались монистических концепций (неразрывная целостность элементов). Такая монистическая концепция формировалась и выражалась через древнекитайское иероглифическое письмо. Иероглиф – это единое целое, но состоящее из частей, которые из этого целого невозможно изъять (отсюда возникает образно-чувственное мышление, характерное для китайского искусства в целом). В трактатах первых синологов отмечалась самодостаточность и закрытость древнекитайского общества по отношению к внешнему миру, которая шокировала европейцев, обладающих иным, активно-действенным складом мышления.

В XVIII в., кроме испанских и португальских трактатов, появились французские публикации о Китае (в основном монахов-иезуитов). Так,

например, в большом трактате Ж.-Б. Дюальда «Описание Китайской империи», изданной во французском королевстве в 1736 г., достаточно подробно описывалась технология изготовления китайского фарфора (и его художественной росписи), которая привлекла внимание мадам де Помпадур (фаворитки Людовика XIV). (Эта придворная дама организовала производство французского фарфора, заимствовав древнекитайские технологии, с одной стороны, а с другой – подчеркнув через хрупкость фарфора изящество французских росписей (особенно красивы были фарфоровые цветы)). В трактате Дюальда также были описаны основные принципы конфуцианства, и даже приводился портрет великого китайского ученого Конфуция на фоне многочисленных свитков. Это способствовало подъему интереса к таинственной китайской культуре и философии среди ученых, а французским придворным дамам особенно полюбили китайские веера и изящные шелковые ширмы, разрисованные экзотическими цветами и птицами. Однако со смертью Людовика XIV интерес к китайской культуре угас, и французская синология пришла в упадок вплоть до 20-х гг. XIX в. Только в первых десятилетиях XIX в., когда французский народ оправился от революционных потрясений и наполеоновских войн, в Коллеж де Франс вновь стали осуществляться переводы древнекитайских трактатов [2].

В целом, европейская эпоха Просвещения характеризовалась повышенным интересом к не-европейским культурам, хотя концепция европоцентризма подразумевала непременно приобщение других (неевропейских) народов к ценностям западной цивилизации. С этой точки зрения особенно важна для нашего исследования монография В.В. Малявина «Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени» [3]. Автор этой монографии предлагает свой, живой и оригинальный взгляд на древнекитайскую историю (точнее, на так называемый период китайского средневековья). По мнению В.В. Малявина, XVII в. был для императорского Китая расцвета многих видов искусства (музыка, живопись, каллиграфия, театр), с одной стороны, а с другой – в каждом из этих видов искусства отразились тенденции «осеннего увядания» традиционной культуры. В.В. Малявин подчеркивает в культуре Китая на пороге Нового времени глубокую символичность, метафорическую насыщенность, внутреннюю динамику, которые в совокупности указывали на сложные взаимосвязи с религией, философией, социальной жизнью. Иными словами, китайская культура XVII в. предстает во всей своей «зрелой» красоте и совершенстве перед грядущими историческими переменами (завершалось время правления династии Мин, которую сменила последняя императорская династия Цин). Наступало время «приоткрытия» строгих границ «Срединного государства» (Китая).

В Восточной Европе, в частности в царской России (XVIII в.) первым русским исследователем-синологом стал А.Л. Леонтьев (1716–1786). Он осуществлял переводы и толкования китайских философских учений (конфуцианства и даосизма), а также стремился пояснить древнекитайские религиозно-философские воззрения через их «приближение» к христианским ценностям. Свод учений Конфуция также переводил (согласно царским

указам) и другой русский синолог XIX в. – Н.Я. Бичурин (о. Иакинф), который составил многотомный русско-китайский словарь, а также первый русский учебник по китайскому языку («Китайская грамматика»). Столь значительное постижение русским синологом древнекитайской культуры объясняется тем, что о. Иакинф возглавлял в 1807–1822 гг. Духовную миссию в Пекине. Современный российский синолог К.М. Тертицкий полагает, что именно Н.Я. Бичурин заложил основы русского и российского китаеведения, составив подробные списки правителей Китая от мифологических времен до XVIII в. [4] (Труд Н.Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» в настоящее время является библиографической редкостью).

Итак, в XIX в. в Западной Европе стали формироваться синологические центры, самые крупные из которых располагались в Англии и Германии. Европейских ученых-синологов интересовали не только китайские философские трактаты и многовековые культурные традиции, но и особенности искусства живописи (рисование тушью и каллиграфия), а также своеобразие музыкальных инструментов. Однако в Китае во второй половине XIX в. сложилась достаточно неоднозначная политическая обстановка, которая воспрепятствовала более глубоким исследованиям в области китайской традиционной культуры. В Китае постепенно разгорались так называемые «опиумные» войны (в которых против китайской армии выступили английские и французские войска). Первая опиумная война длилась два года (1840–1842 гг.), а вскоре завязалась вторая опиумная война (1856–1860 гг.). Эти сложные исторические события получили достаточно негативную оценку, так, например, культуролог Саид Эдвард Вади в «Ориентализм» отмечал стремления западноевропейских стран к тотальной экспансии и колониализму. В частности, он писал о том, что «с самого начала изучения Западом Востока последнему никогда не удавалось говорить за самого себя» [5]. Это Саид Эдвард Вади связывает с тем, что ранние европейские исследователи описывали Китай с европейских мировоззренческих позиций, не углубляясь в религиозно-философские обоснования, на которых базировалась древнекитайское общество. Впрочем, была и другая сторона последствий опиумных войн – после подписания Тяньцзиньского мира (1858 г.) Китай все-таки «приоткрылся» для коммуникации с европейскими странами, что повлекло необходимость перестройки существовавшего (древнекитайского) уклада жизни.

После подписания Тяньцзиньского мира европейские миссионеры, получив доступ в императорский Китай, привезли малоизвестные местным жителям музыкальные инструменты – фортепиано, скрипки, виолончели, флейты – и организовали обучение игре на этих инструментах в рамках церковных школ [6]. Миссионеры стремились показать китайцам европейские музыкальные традиции, что обусловило некоторое угасание китайской национальной (традиционной) музыкальной культуры. С другой стороны, миссионеры фиксировали сведения о китайском искусстве, стремясь выявить его возможные параллели с европейским (сравнивая строение и звучание

музыкальных инструментов, описывая специфику китайской пентатоники и ритмической организации мелодий). Однако даже собранные миссионерами сведения отличались разрозненностью фактов, часто неточностью описаний из-за непонимания специфики традиционного (национального) китайского искусства, кризисными явлениями, связанные с закатом императорского Китая (последовавшем в 1911 г.).

1. *Lach, Donald F.* Asia in the making of Europe / Lach, Donald F. – The University of Chicago Press, 1965. – Vol. I. – Book Two. – 747-749 pp.

2. *Mungello, David E.* The Great Encounter of China and the West, 1500-1800 (2009) / David E. Mungello. – Rowman & Littlefield Publishers, USA. – 167 p.

3. *Малявин, В.В.* Сумерки Дао: культура Китая на пороге Нового времени / В.В. Малявин. – Москва : Дизайн. Информация. Картография : Астрель : АСТ, 2000. – 436 с.

4. *Бичурин, Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 380 с.

5. *Саид, Эдвард В.* Ориентализм: Западные концепции Востока / Эдвард В. Саид. – пер. с англ. яз. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Миръ, 2006. – 640 с.

6. *Сидихменов, В.Я.* Маньчжурские правители Китая / В.Я. Сидихменов. – М. : Миринда, 2004. – 448 с.